

Глава 24. Пятнадцатая. Гадание на бамбуковых планках

Ян Ихай, пылая праведным гневом, скатился по лестнице и с решимостью человека, готового сокрушить на своем пути и богов, и Будд, ворвался в кухню. Перерыв корзину с овощами, он выудил оттуда несколько крупных луковиц, швырнул их на разделочную доску и, не говоря ни слова, принялся остервенело рубить тесаком.

— Тук-тук-тук-тук! — луковые ошметки разлетались в разные стороны. Ярость его кипела, а обида не знала границ.

Су Цзычуань, сидевшая во дворе над котелком с кипящим отваром, с первой же секунды почуяла неладное. А уж завидев это побоище, окончательно убедилась:

«Хе-хе... Опять бедолагу в лужу посадили!»

Она поднялась, поигрывая соломенным веером, которым раздувала огонь, и неспешно подошла к двери. Изящно отставив мизинец, Цзычуань приторно-певучим голосом, подражая актрисам оперы Юэ, затянула:

— «Огурец плачет от несчастной любви, а баклажан его утешает: любовь — это не только сладость и истома, это еще и разбитое сердце, и горькие слезы... Эх, ну кто же тебя просил влюбляться в лук?»

Ян Ихай замер. Он медленно поднял голову, и по его щеке скатилась одинокая, воистину крокодилья слеза.

— Эй! Ты это серьезно? — Су Цзычуань не ожидала такой реакции. — Мужские слезы — не вода, их не льют по пустякам... Что стряслось-то? Неужто мир рухнул?

Поняв, что перегнула палку, она поспешно залезла в рукав и, пошарив там, выудила платок, пахнувший так сильно, что от этого аромата могли передохнуть все тараканы в округе, и протянула его страдальцу.

***

Час спустя Су Цзычуань и Ян Ихай сидели на кухонном пороге и вели задушевную беседу.

Парочка, честно говоря, подобралась странная. Бывают же люди, совершенно несовместимые по гороскопу — вот это был как раз их случай. Вроде и разговор «по душам», а на деле: девять фраз из десяти — взаимные подколки. И все же то, что эти «кошка с собакой» продержались в таком режиме целый час, можно было считать истинным чудом. А еще это наглядно доказывало: Ян Ихаю в этот раз действительно разбили сердце.

Бедняжка.

— У-у-у... Нет в тебе ни капли сочувствия! — Ян Ихай брезгливо отбросил вонючий платок Цзычуань и выудил свой собственный, чтобы утереть слезы. — Видишь же, как мне плохо! Хоть бы слово утешения сказала. Ты вообще женщина или кто?

— Послушай, — Су Цзычуань надула губы, — ты маринуешь меня здесь больше часа, но так и не выложил, что стряслось. Как я должна тебя утешать?

«Хм! — подумала она про себя. — Рассчитывала на сочные сплетни, а в итоге сижу тут зазря. Трачу драгоценную молодость! И никакой инфы для продажи Сяо Тяню... Эх, в этом месяце я опять без карманных денег».

Ян Ихай, делая вид, что вытирает глаза, спрятался за платком и призадумался:

«Ну уж нет! Наши с Чуцю страстные и прекрасные воспоминания — это только мое. С какой стати я должен делиться ими с этой сплетницей? Даже не надейся выудить у меня хоть крупицу сладости! Ишь, уши развесила, небось, уже прикидывает, почем продаст новость этому мелкому лисенку Су Цзытяню».

Как говорится, старый имбирь острее молодого. Ян Ихай и Су Цзычуань сидели рядышком — один вцепившись в платок, другая помахивая веером, — и у каждого в голове зрели свои коварные планы.

Наконец лекарство сварилось. Су Цзычуань, кряхтя, поднялась с порога и пошла сливать отвар:

— Эх... Жалкое ты зрелище! Не зря Тянь-эр зовет тебя «бабой». Взрослый мужик, а рыдаешь из-за какой-то ерунды. Позорище...

— Эй! — Ян Ихай громко шмыгнул носом. — Тебе легко говорить! Ты понятия не имеешь, через какое унижение я прошел! У-у-у... Меня использовали... А потом бросили на произвол судьбы! Все, ухожу из дома! А-а-а-а!!!

Видимо, сказывалось детство, проведенное на берегах Циньхуай: все эти замашки куртизанок — «сначала плач, потом скандал, в конце петля» — он усвоил на твердую пятерку. Жаль только, что в исполнении мужчины это выглядело, мягко говоря, не слишком эстетично.

Цзычуань была занята горячим котелком и не могла отвлечься, поэтому на его завывания поначалу не отреагировала. Ян Ихай, не дождавшись ответа, зашелся в рыданиях еще пуще.

— У-у-у-у...

—... — Цзычуань нахмурилась.

— Ва-а-а-а...

—... — на лбу у девушки вздулась вена.

— А-а-а-а!!!

— Бабах! — Су Цзычуань с размаху швырнула пустой горшок. Сосуд врезался в дверной косяк всего в пяти сантиметрах от головы Ян Ихая.

Тот замер, глядя на рассыпавшиеся черепки и аптечную муть на полу. Глаза его снова покраснели.

— У-у... хнык... м-м-м... — он заскулил тише, но слез привалило еще больше.

Цзычуань стояла во дворе, подбоченясь, и с раздражением смотрела на него. Пройдясь туда-сюда, она вдруг замерла, и в ее глазах вспыхнул дьявольский огонек. Она подскочила к нему и снова уселась рядом.

— Ладно-ладно, брат Ян, не убивайся ты так. Подумаешь — господин Юй тебе отказал. Великая беда! — Она дружески похлопала его по плечу, хитро щурясь.

— Э? Хнык... — Овечка Ян, чей мозг окончательно затуманился от рыданий, даже не понял, как попался на крючок. — Я же тебе не говорил... Откуда ты узнала?

Губы Цзычуань расплылись в довольной ухмылке: «Так я и знала!»

Но вслух она произнесла:

— О твоих чувствах к господину Юю уже все знают. Тоже мне, новость.

— Что?!! — Ян Ихай подскочил как ошпаренный. — Значит... значит, и Юй Чуцю в курсе? Все, надежды нет! Он даже не оставил мне шанса на тайную любовь! Какая жестокость! У-у-у...

Верх мастерства психологического мазохизма.

Цзычуань, не обращая внимания на его терзания, вытщила из прически пилочку и принялась невозмутимо править маникюр:

— Я же не договорила. Знают все, кроме него самого.

— А? Чего же ты сразу не сказала! Только зря пугала, — Ян Ихай снова опустился на порог.

— Ладно, выкладывай. Что сегодня случилось? Он влюбился в моего младшего брата или мой братец наконец-то взял крепость штурмом?

— А-а-а-а! — Ян Ихай вцепился в платок. — Точно! Я так и знал, что у этого Су Цзытяня волчьи помыслы! Ох-хо-хо... Ни на миг нельзя расслабиться, в этом доме куда ни плюнь — кругом соперники...

— Короче! Если не скажешь, я ухожу. Я и так уже знаю, кто тебя «обидел». Не скажешь ты — пойду спрошу у наставника.

Цзычуань сделала вид, что поднимается.

— Не надо! — Ян Ихай схватил ее за край платья. Помявшись, он прошептал: — Ладно, скажу... Только, ради всего святого, не спрашивай его самого.

— Идет, — Цзычуань снова присела.

Ян Ихай долго собирался с духом и, наконец, выдавил едва слышно:

— Он собирается жениться...

— Тьфу ты! — Цзычуань хлопнула себя по колену и встала, глядя на «Овечку» сверху вниз. — А я-то думала — трагедия! Ты обычно сообразительный, но как дело касается господина Юя — тупишь как последний идиот!

— Сама ты идиотка! — Ян Ихай тоже вскочил, вскипая от возмущения.

— А я не права? — Цзычуань скрестила руки на груди. — У него пока только мысли об этом, до дела еще не дошло. Тебе просто нужно успеть влюбить его в себя раньше, чем он потащит какую-нибудь девицу к алтарю.

— Легко сказать. Было бы все так просто.

— Это потому, что ты не те методы используешь. Глупый! Господин Юй — человек честный и благородный. Если с ним произойдет... ну, что-нибудь эдакое, неподобающее... хе-хе, он просто обязан будет взять на себя ответственность.

—...

— Я тебе уже все разжевала. Неужели ты, такой «проницательный», до сих пор не понял? Хи-хи-хи... — Цзычуань рассмеялась, словно коварная лисица.

— О... Умно. Очень умно! Хе-хе-хе... — Ян Ихай отозвался смехом матерого волка.

Как говорили в старину: спелись два сапога пара!

Ян Ихай внезапно прозрел. От радости мысли в голове прояснились, он прищурил свои миндалевидные глаза и пристально посмотрел на подельницу:

— Говори. Ты бы не стала помогать мне просто так. Чего ты хочешь?

— Ха-ха-ха... Все-таки ты меня насквозь видишь! — Цзычуань кокетливо поправила челку.

— Выкладывай.

— На самом деле, ничего особенного. — Лицо девушки вдруг стало серьезным. — Я хочу, чтобы ты научил меня, как соблазнять мужчин.

Ян Ихай, ожидавший, что она потребует денег, на мгновение лишился дара речи. Но вскоре его лицо потемнело от гнева, и он сурово произнес:

— Ты напророчиться хочешь? О чем ты только думаешь целыми днями?! Думаешь, крутить мужиками — это весело? Ты с огнем играешь, дура! Понимаешь ли ты, как важна для девушки репутация?!

Цзычуань опустила голову, сжала кулаки, а когда снова посмотрела на него, взгляд ее был тверд как сталь:

— Я прекрасно понимаю, что делаю. Да, я дочь опального чиновника. Но правила отбора наложниц в нашей династии отличаются от прежних времен. Императрица Ма при великом предке тоже была из простолюдинок. Так что...

Ян Ихай не выдержал и расхохотался:

— Хочешь стать императрицей? Пф! Я не ослышался? С такой-то рожей? Одеваешься как девка из веселого квартала, тени малюешь — вылитая ведьма, а пудра с лица сыплется прямо в миску с едой! И ты метишь в императрицы??

Цзычуань, слушая это, начала судорожно осматривать себя:

— Мне не обязательно быть императрицей, лишь бы попасть во дворец! Я знаю, что ты был сяогуанем, тебя наверняка обучали всяким хитростям. Научи меня, я буду стараться!

Ян Ихай хотел было едкими насмешками выбить эту дурь из ее головы, но, видя такую одержимость, лишь нахмурился:

— Ты либо слишком наивна, либо до безумия тщеславна. Думаешь, в императорском дворце медом намазано? Стать императрицей... да кто тебя туда пустит?! Твоя красота здесь, в глуши, еще чего-то стоит. А во дворце ты и служанке в подметки не пойдешь. С чего императору на тебя смотреть?

— Вот поэтому мне и нужно учиться.

— Учиться? Чему? Как стать подстилкой императора? Что, на воле мужики перевелись? Обязательно лезть в тот гадюшник, чтобы воевать с тремя тысячами обиженных баб за одного мужчину? Ты мазохистка? А если он урод? Или, к примеру, «не может»? А вдруг он, как и я, предпочитает парней и днями напролет кувыркается с евнухами? Что тогда? Будешь всю жизнь куковать одна в четырех стенах?

Су Цзычуань замолчала. Слезы невольно потекли из глаз, размывая тени, но на губах ее застыла горькая, упрямая улыбка:

— Даже если так, я должна попасть во дворец. Раньше я думала, что отец не любит меня, потому что я девчонка. Но когда его уводила стража, он сжал мою руку и сказал: «Дочка, теперь я не смогу тебя защитить. Ты не мальчишка, тебе будет в разы труднее. Научись защищать себя сама. Никому не давай себя в обиду. Женщины семьи Су ни в чем не уступят мужчинам!»

Она всхлипнула и отвернулась, утирая слезы:

— В тот самый миг я поклялась, что отомщу за отца своими силами! Но я не мужчина. Брат Ян, ты ведь знаешь... Мой старший брат всю жизнь из дома носа не казал, потому и разжирел так. Но когда мы бежали, когда стражники наступали нам на пятки, он ни разу не бросил отцовский Клинок Закрывающейся Луны весом в сто цзиней. А Сяо Тянь? Он был таким чистым ребенком, а теперь каждую ночь до рассвета зубрит книги о дворцовых интригах.

—...

— Но я... Я не могу сдать экзамены на чжуаньюаня и не могу вести армию в бой. Единственный путь для женщины, ведущий к вершине власти, — это гарем!

<http://bllate.org/book/17540/1706023>